

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КРИПТОВАЛЮТ И ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Спиридонов Никита Евгеньевич

студент

Оренбургский институт (филиал) ФГАОУ ВО "Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)"

Россия, г. Оренбург

Аннотация. В статье исследуется правовая природа криптовалют и цифровых финансовых активов как объектов гражданского оборота и инструментов предпринимательской деятельности. Анализируются действующие нормативные правовые акты Российской Федерации, а также позиции учёных-правоведов по вопросу квалификации цифровых активов. Автор обосновывает необходимость устранения противоречий между запретом на использование криптовалют в качестве средства платежа и легализацией цифровых финансовых активов, предлагает направления совершенствования законодательства в сфере предпринимательского использования цифровых активов.

Ключевые слова: криптовалюта, цифровые финансовые активы, цифровая валюта, предпринимательская деятельность, блокчейн, правовое регулирование.

LEGAL REGULATION OF CRYPTOCURRENCIES AND DIGITAL FINANCIAL ASSETS IN BUSINESS ACTIVITY

Spiridonov Nikita E.

student

Orenburg Institute (branch) Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)"

Russia, Orenburg

Abstract. The article examines the legal nature of cryptocurrencies and digital financial assets as objects of civil turnover and instruments of entrepreneurial activity. The author analyzes current regulatory legal acts of the Russian Federation and the positions of legal scholars on the qualification of digital assets. The author substantiates the need to eliminate contradictions between the prohibition on using cryptocurrencies as a means of payment and the legalization of digital financial assets, and suggests directions for improving legislation in the field of business use of digital assets.

Keywords: cryptocurrency, digital financial assets, digital currency, entrepreneurial activity, blockchain, legal regulation.

Технологии блокчейна и связанные с ними цифровые активы — это не временное явление, а устойчивый тренд, требующий чёткого правового ответа государства» — подобные тезисы всё чаще звучат в выступлениях представителей финансовых властей Российской Федерации. Цифровизация экономики объективно подталкивает законодателя к формированию специальных правовых режимов для оборота криптовалют и цифровых финансовых активов (далее — ЦФА). Однако, как будет показано ниже, действующая нормативная база содержит ряд внутренних противоречий, создающих правовую неопределённость для субъектов предпринимательской деятельности.

Современное правовое регулирование цифровых активов в России формируется на стыке гражданского, финансового, налогового и валютного права.

Отправной точкой послужили изменения, внесённые в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ) Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ, который ввёл в статью 128 ГК РФ категорию «цифровые права» и дополнил Кодекс статьёй 141.1 [2]. Согласно указанной норме, цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Тем самым законодатель сделал первый шаг к интеграции цифровых активов в систему объектов гражданских прав, однако ограничился весьма абстрактной конструкцией, не раскрывающей специфику конкретных видов цифровых активов.

Центральным нормативным актом в рассматриваемой сфере выступает Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — ФЗ № 259) [10]. Закон закрепил два самостоятельных понятия: «цифровые финансовые активы» и «цифровая валюта». В соответствии со статьёй 1 ФЗ № 259 под ЦФА понимаются цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, права требовать передачи эмиссионных ценных бумаг. Цифровая валюта определяется как совокупность электронных данных, содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, и (или) в качестве инвестиций.

Принципиальное значение имеет часть 5 статьи 14 ФЗ № 259, согласно которой юридические лица и индивидуальные предприниматели не вправе принимать цифровую валюту в качестве встречного предоставления за передаваемые ими товары, выполняемые работы, оказываемые услуги, а также в качестве иного способа, позволяющего предполагать оплату цифровой валютой. По сути, законодатель легализовал само существование криптовалют как

объекта гражданских прав, но заблокировал их использование в качестве средства платежа на территории Российской Федерации.

Отдельный пласт регулирования образует Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ» [9], регламентирующий краудфандинг и выпуск утилитарных цифровых прав. Налоговые аспекты оборота цифровых активов закреплены в главах 23 и 25 Налогового кодекса Российской Федерации с учётом поправок, внесённых Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 324-ФЗ [6].

Важнейшим этапом стало принятие Федерального закона от 8 августа 2024 г. № 221-ФЗ, вводящего экспериментальный правовой режим в сфере цифровых инноваций и легализующего использование цифровой валюты при осуществлении внешнеторговой деятельности, а также майнинг цифровой валюты как самостоятельный вид деятельности [11]. Тем самым законодатель впервые признал предпринимательскую природу операций с криптовалютой в ограниченной сфере. Показательно, что легализация была осуществлена именно через механизм экспериментального правового режима, а не посредством внесения общих норм в ГК РФ — это свидетельствует об осторожном, «пилотном» подходе государства к допуску цифровой валюты в экономический оборот.

Несмотря на значительный объём принятых актов, системного и непротиворечивого регулирования в сфере цифровых активов в России до сих пор не сложилось.

Юридическая конструкция оборота цифровых активов строится на сочетании двух начал — свободы экономической деятельности, гарантированной статьёй 34 Конституции Российской Федерации [5], и необходимости обеспечения устойчивости национальной денежной системы, закреплённой в статье 75 Конституции. Именно в этой точке коренится основное противоречие действующего регулирования.

С одной стороны, криптовалюта признана имуществом для целей отдельных федеральных законов — о банкротстве, о противодействии коррупции, об исполнительном производстве. С другой — она не отнесена к объектам, перечисленным в статье 128 ГК РФ, что порождает неопределённость в вопросах наследования, залога, виндикации. Возникает закономерный вопрос: в каком правовом режиме действует предприниматель, приобретающий криптовалюту для целей хеджирования валютных рисков или трансграничных расчётов?

Дополнительную сложность создаёт разграничение смежных понятий. ЦФА, утилитарные цифровые права, цифровые права, цифровая валюта, электронные денежные средства — все эти категории существуют параллельно, имеют разный правовой режим, разных операторов информационных систем и разный порядок налогообложения. Для субъекта предпринимательской деятельности, не обладающего специальными познаниями,

ориентирование в данной системе представляет серьёзную трудность. По сути, перед нами пример «лоскутного» регулирования, когда каждый новый закон решает отдельную прикладную задачу, не будучи встроенным в единую концепцию цифрового имущественного оборота.

Научная дискуссия вокруг правовой природы криптовалют и ЦФА в отечественной юриспруденции охватывает несколько плоскостей.

Л.А. Новосёлова обращает внимание на то, что введение в ГК РФ категории цифровых прав представляет собой «техничко-юридический приём, позволяющий распространить на новые явления привычные цивилистические конструкции, не создавая при этом самостоятельного объекта гражданских прав» [7, с. 42]. По мнению автора, криптовалюта в её классическом понимании (биткоин и аналоги) не укладывается в конструкцию цифровых прав, поскольку не опосредует какое-либо обязательственное требование к определённом лицу. Такой подход логичен: цифровое право предполагает наличие обязанной стороны, тогда как децентрализованная криптовалюта подобного обязанного лица не имеет в принципе.

Иной подход демонстрирует Л.В. Санникова, которая предлагает рассматривать криптовалюту как особый объект гражданских прав — «имущество *sui generis*», обладающее признаками как вещи, так и имущественного права, но не сводимое ни к одной из традиционных категорий [8, с. 87]. Исследователь настаивает на необходимости прямого указания криптовалюты в статье 128 ГК РФ в качестве самостоятельного объекта. Позиция Л.В. Санниковой представляется методологически более честной: вместо попыток «вписать» новое явление в устаревшие категории предлагается расширить сам перечень объектов, признав существование цифровой собственности.

А.И. Савельев в своих работах последовательно развивает тезис о функциональной двойственности криптовалют: «в зависимости от экономической функции один и тот же актив может выступать средством платежа, инвестиционным инструментом или товаром, и применимый к нему правовой режим должен определяться не технологической формой, а экономическим содержанием операции» [4, с. 193]. Автор справедливо отмечает, что российский законодатель пошёл по пути формального запрета, игнорируя функциональный подход, характерный для большинства развитых правовых порядков. Следование функциональному подходу позволило бы более тонко дифференцировать регулирование: *stablecoin*, обеспеченный реальными активами, не должен регулироваться так же, как волатильная криптовалюта без обеспечения.

Е.Б. Лаутс указывает на практические последствия действующего регулирования для банковского сектора: запрет на приём цифровой валюты в качестве оплаты вынуждает кредитные организации формировать крайне осторожную политику в отношении клиентов, связанных с криптоиндустрией, что, в свою очередь, подталкивает российский криптобизнес к уходу в

иностранные юрисдикции [3, с. 54]. Данный процесс принято называть «регуляторным арбитражем» — когда предприниматели выбирают наиболее благоприятную юрисдикцию для оформления своей деятельности, что приводит к оттоку капитала и налоговой базы из Российской Федерации.

П.П. Баттахов обращает внимание на то, что правовой режим ЦФА преимущественно ориентирован на крупных институциональных игроков, тогда как малый и средний бизнес, для которого цифровые активы могли бы стать гибким инструментом привлечения инвестиций, фактически остаётся вне поля действия закона [1, с. 114]. Автор справедливо отмечает, что высокие требования к операторам информационных систем, включаемым в реестр Банка России, создают барьер входа, несовместимый с экономической моделью начинающего предпринимателя.

Обобщая доктринальные позиции и нормативный анализ, можно обозначить три взаимосвязанных правовых противоречия.

Первое — противоречие между легализацией и блокированием оборота. Законодатель признал цифровую валюту объектом, допускающим гражданско-правовой оборот, но запретил её использование в качестве средства платежа. В результате предприниматель может владеть криптовалютой, декларировать её, уплачивать с неё налоги, но не может принять её в оплату товара. Такая конструкция лишена внутренней логики: объект, не способный выполнять функцию средства платежа, с экономической точки зрения теряет значительную часть своей ценности, тогда как сохраняется инвестиционная функция — наиболее рискованная для розничного инвестора. Парадоксальным образом государство допускает самую опасную функцию цифровой валюты (спекулятивное инвестирование) и запрещает наиболее безопасную (расчёты между контрагентами).

Второе — неполнота правового режима ЦФА. ФЗ № 259 детально регламентирует выпуск и обращение ЦФА через операторов информационных систем, включённых в реестр Банка России. Однако за пределами регулирования остаются вопросы трансграничного обращения ЦФА, их использования в качестве обеспечения по кредитам, а также порядок конвертации в денежные средства при банкротстве эмитента. Для предпринимателя, рассматривающего ЦФА как инструмент привлечения инвестиций, эти пробелы создают существенные риски. Практика показывает, что эмиссия ЦФА в России пока остаётся инструментом ограниченного круга крупных корпоративных эмитентов, а не массовым способом финансирования предпринимательской деятельности.

Третье — разрыв между гражданско-правовым, налоговым и валютным регулированием. Налоговый кодекс квалифицирует доход от операций с цифровой валютой как объект налогообложения, одновременно ГК РФ не относит криптовалюту к перечню имущества, а

валютное законодательство не определяет её статус в операциях между резидентами и нерезидентами. Федеральный закон № 221-ФЗ частично решает последний вопрос в рамках экспериментального правового режима, однако общего правила до сих пор нет. Получается, что законодатель готов облагать налогом то, чего в гражданском праве как бы и не существует в качестве самостоятельного объекта, — ситуация, очевидно, нуждающаяся в систематизации.

По моему мнению, ключевая проблема состоит не в отсутствии нормативных актов — их принято достаточно, — а в отсутствии концептуальной согласованности между ними. ФЗ № 259 написан в логике запрета криптовалюты как средства платежа; ФЗ № 221-ФЗ — в логике её ограниченного допуска для внешнеторговых операций; Налоговый кодекс — в логике квалификации криптовалюты как имущества. Три параллельных логики создают ситуацию, в которой предприниматель вынужден опираться не на системное регулирование, а на разъяснения Минфина и Банка России, имеющие рекомендательный характер.

Представляется, что выход состоит в принятии единого кодифицированного акта о цифровых активах либо во внесении комплексных изменений в ГК РФ с одновременной переработкой ФЗ № 259. Такой акт должен, во-первых, закрепить криптовалюту в качестве самостоятельного объекта гражданских прав в статье 128 ГК РФ; во-вторых, определить функциональный подход к её правовому режиму — в зависимости от того, используется ли она как средство инвестирования, средство обмена или товар; в-третьих, установить процедурные правила обращения взыскания на криптовалюту, включая механизмы принудительной передачи ключей доступа и ответственности за их сокрытие; в-четвёртых, расширить экспериментальный правовой режим, распространив его за пределы внешнеторговой деятельности — на расчёты между резидентами в отдельных сферах (ИТ, инновации, экспортно ориентированный бизнес); в-пятых, снизить порог входа для эмитентов ЦФА из числа субъектов малого и среднего предпринимательства, сохранив при этом необходимые требования к защите инвесторов.

Целесообразно также предусмотреть чёткую иерархию понятий в системе цифровых активов: цифровое право как родовая категория, а ЦФА, утилитарные цифровые права, цифровая валюта — как её видовые проявления с самостоятельным, но согласованным между собой правовым режимом. Это устранил понятийную путаницу и упростит правоприменение.

Правовое регулирование криптовалют и ЦФА в России прошло путь от полного нормативного вакуума до формирования разветвлённой, но внутренне противоречивой системы за сравнительно короткий срок. Однако правовой баланс между обеспечением устойчивости национальной денежной системы и поддержкой предпринимательской инициативы в сфере цифровых инноваций по-прежнему не достигнут: нормативная база остаётся фрагментарной, а доктринальные споры о природе криптовалюты не утихают.

Нынешняя конструкция, закреплённая в ФЗ № 259 и дополненная экспериментальным режимом по ФЗ № 221-ФЗ, — это скорее набор ситуативных решений, нежели полноценная правовая система. Принятие единого концептуально согласованного регулирования, учитывающего функциональную природу цифровых активов и интересы добросовестных предпринимателей, — не просто академическое пожелание, но практическая необходимость. Пока же российский предприниматель, работающий с цифровыми активами, вынужден строить своё дело на правовых «стыках» и рассчитывать на то, что регулятор своевременно разъяснит спорные моменты не хуже, чем он сам разбирается в технологии блокчейна.

Список литературы:

1. Баттахов П.П. Правовое регулирование цифровых финансовых активов в предпринимательской деятельности // Право и государство: теория и практика. — 2023. — № 5 (221). — С. 112–117.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024). — URL: <http://pravo.gov.ru>
3. Лаутс Е.Б. Правовые аспекты оборота цифровой валюты в банковской сфере // Банковское право. — 2022. — № 4. — С. 49–58.
4. Савельев А.И. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Закон. — 2021. — № 8. — С. 188–201.
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). — URL: <http://pravo.gov.ru>
6. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 29.10.2024). — URL: <http://pravo.gov.ru>
7. Новосёлова Л.А. О правовой природе цифровых прав // Хозяйство и право. — 2019. — № 5. — С. 40–47.
8. Санникова Л.В. Криптовалюта как объект гражданских прав по российскому и зарубежному законодательству // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2020. — № 2. — С. 80–97.
9. Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». — URL: <http://pravo.gov.ru>
10. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 11.03.2024). — URL: <http://pravo.gov.ru>

11. Федеральный закон от 08.08.2024 № 221-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». – URL: <http://pravo.gov.ru>